

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

(Москва, август 1964 г.)

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ТИПЫ ОЛЕНЕВОДСТВА
У ТУНГУСОЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ

в связи с проблемой расселения по Сибири)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

Выявление типов оленеводства у тунгусоязычных народов, кроме прямого отношения к истории развития хозяйственных форм, имеет большое значение для проблемы деления их на пеших и оленных.

Кроме того, изучение этого вопроса позволяет пересмотреть установившуюся точку зрения на расселение тунгусоязычных народов по сибирской тайге.

Необходимо помнить, что эти народы на основании всех известных о них сведений прежде всего были охотниками. Календарь у всех групп тунгусов* отразил охотничью культуру и не имеет названий месяцев, относящихся к оленеводству¹. Древние исторические сказания верхнеамурских тунгусов рисуют их пешими охотниками горной тайги. Более поздние предания тунгусов бассейна Енисея, в которых рассказывается о событиях XVI—XVII вв., также рисуют их охотниками и лишь у выходцев с востока упоминаются олени².

С XVII в. и до недавнего времени тунгусов делили по наличию у них транспорта на пеших охотников («пешие» и «сидячие» — документы XVII в., П. С. Паллас, Ю. Клапрот; «звероловы» — авторы XIX в.), оленных охотников («олeneводы» — литература XVII—XX вв.), конных охотников («конные», скотоводы³) и собачьих охотников (И. Идес — XVII в., Ф. Страленберг, В. Тредяковский — XVIII в.).

Сообщения землепроходцев и росписи рек XVII в. отмечают сидячих тунгусов по Ангаре, Лене, Охотскому побережью, в северном Прибайкалье и во многих других местах Сибири. А в чертеже и росписи бассейна Ле-

* Автор здесь и далее пользуется термином тунгусы для названия группы тунгусоязычных народов (эвены, эвены, негидальцы и др.).

ны, составленных А. Ф. Палициным в 1638 г., через устье Вилюя проведена граница: вниз по Лене — оленные охотники, вверх — пешие.

В XVIII в. П. Георги отметил территорию кочеваний оленных охотников: Даурия (горное Забайкалье), Баян-Ухур, Охотск и низовья Лены. Всюду, кроме указанных мест, жили «звероловствующие и рыбную ловлю производящие. Некоторые (из них.— Авт.) имеют по несколько (2—10 оленей.— Авт.), которых берегут и редко доят. Старые люди и девки ездят верхом»⁴. И. Гмелин в XVIII в. не встретил оленных на Нижней Тунгуске, Лене, Ангаре, а в районе Илима они были исключением.

В самом конце XVIII и в начале XIX в. олени были почти у всех тунгусов. Этот факт позволил многим исследователям (А. Миддендорф, Р. Маак, Л. Шренк, Г. Миллер, А. Чекановский, Г. Спасский, К. Хикиш, М. Кривошапкин, П. Кларк, а в наше время В. Г. Богораз, М. Г. Левин и др.) считать их оленеводами тайги. Особенности кочевого быта, охоты и оленеводства пеших и оленных тунгусов не принимались во внимание при характеристике их по хозяйственному признаку. Но уже материалы переписи 1897 г. заставили С. Патканова по ведущему занятию выделить группы пеших охотников (звероловов), рыболовов, оленных охотников (оленево-дов) и конных охотников (скотоводов).

Оленные охотники кочевали в Якутском округе, в северной части Приморской области, в Амурской области и на Сахалине. Рыболовы расселялись в нижнем Приамурье, на озерах Забайкалья и на северо-западе (по берегам озер к западу от истоков Вилюя). Все остальные были «звероловами». Последние хотя и имели по несколько оленей, но сохраняли все традиции пеших охотников.

Пешие охотники имели самоназвание — эвенки, эвен, а оленные — орочен, ороchon, ороch (мн. ч.— ороchol). Эвенков называли также тунгусами, а эвенков и ороcholов — ламутами.

Поскольку расселение тунгусов связывают с оленем, необходимо напомнить, что Л. Шренк, К. Хикиш и другие в XIX в., В. Г. Богораз, М. Г. Левин и А. П. Окладников — в XX в. считали Приамурье местом, откуда расселялись эвенки. В. Г. Богораз писал: «Верховое

оленоводство характерно для разнообразных групп тунгусов, которые являются более поздними переселенцами с юга на север... Верховая езда перешла к тунгусам и совершенно окрылила их»⁵. А. П. Окладников, изменив свою прежнюю точку зрения на родину тунгусов, писал в 1955 г.: «С движением оленеводческих племен, обитавших в верховьях Амура на запад к Байкалу, следует, очевидно, связывать появление в Прибайкальской тайге предков современных эвенков, смешавшихся с аборигенным населением Прибайкалья»⁶. М. Г. Левин считал, что возникновение верховой езды на олене появилось под влиянием коневодства⁷. Позднее он распространил это влияние «на возникновение самого оленеводства»⁸. Он также полагал, что распространение оленеводства по Сибири было связано с движением тунгусоязычных племен из Забайкалья. «Оленеводство открыло широкие возможности освоения Сибирской тайги»⁹. «Распространяясь по восточной Сибири и ассимилируя палеоазиатские племена, тунгусоязычные группы в значительной степени смешивались с ними и восприняли многие черты культуры»¹⁰.

Дальнейшее изучение оленеводства у тунгусоязычных народов Сибири позволяет сделать другие выводы.

Сравнивая оленеводство тунгусов в XIX и в начале XX в., мы можем выделить два типа, объединяющих ряд вариантов.

Условно мы называем типы по самоназваниям тунгусов: эвенкийским и ороченским.

Эвенкийский тип был распространен в бассейне Подкаменной Тунгуски, на верхней половине бассейна Нижней Тунгуски и на смежных притоках Лены выше Витима. Варианты его распространялись по притоку Ангары, к западу от Енисея, в районе Енисея, к северу от Нижней Тунгуски, в северном Прибайкалье, между реками Бурей и Амгунью и на реках, впадающих в Охотское море, на юге.

Второй тип — ороченский — распространялся по отрогам Яблонового и Станового хребтов, а варианты его — к северу от Нижней Тунгуски, на Витимо-Олекминском плоскогории, на отрогах Верхоянского хребта, на Камчатке и Сахалине.

Для эвенкийского типа были характерны следующие черты:

1. Олень — живое мясо («кормешные» олени по терминологии XVII в.), в случае неудачной охоты допускался забой оленей.

2. Олени составляли небольшое стадо (от 4—5 до 20—30 голов).

3. Оленя использовали только под вьюк (нама), верховой езды не было, поэтому не было и специального верхового седла. У некоторых эвенков женщины, старики и больные ездили на оленях, пользуясь вьючным седлом. Для удобства это седло расширяли навьючиванием пары маленьких женских сумок.

4. Уход за оленями (во время отела, порозования, кастрации) считался женским делом. Здесь продолжала действовать старинная традиция, появившаяся в то время, когда женщина, приведшая оленей в хозяйство мужа, сама ухаживала за ними.

5. На зиму (а некоторые — и на лето) оленей отпускали в тайгу. Зимой в сильно заснеженные долины, летом — в гольцовые тундры. Зимой охотники были заняты пушной охотой, летом — рыболовством.

6. Маршруты кочевков определялись потребностями охоты и рыболовства. При перекочевках все шли пешком, женщины несли на плечах колыбели с детьми и вели вьючных оленей. Часто оленей не хватало и вещи дополнительно перевозили на ручной нарте или шкуреволокуше, летом некоторые — в лодке, если стойбище было на реке. Стоянки (мэнэйи) располагались около рек и озер. Поэтому таких рыболовов-охотников называли мэнэд'эрил — сидячие, а в названиях административных родов, данных по названию рода, добавлялось определение «береговой» (например, Тэтэрский, Чадобский береговой род). В зимнее время члены семьи, не могущие принимать участие в охоте, оставались на мэнэйи'е, а охотники на длительное время уходили на пушную промысел, возвращаясь в большие морозы и весною — по окончании охоты.

7. На охоту уходили на лыжах или пешком с наспинной дощечкой (понагэ, хина), к которой были привязаны все необходимые вещи, или с ручной нартой и обязательно с пальмой (длинный нож, закрепленный на двухметровой палке). Охотились пешком и на лыжах (при глубоком снеге во второй половине зимы).

8. Телят, рожденных от диких оленей, забивали.

9. Обряд табуирования оленя имел целью здоровье семьи.

Для ороченского типа были характерны следующие черты:

1. Олень — транспортное животное, поэтому забоя на мясо не производилось (исключением были случаи травмирования оленя).

2. Стадо было относительно большим (от 20—40 до 200—500 голов).

3. Оленя использовали под вьюк для верховой езды на любые расстояния и в нартяной упряжке¹¹. Было специальное верховое седло (нэма). Мужчины ездили, держа в руках низкий посох (тыйэвун), а женщины — высокий (н'ори) с крюком на верхнем конце. Мужчины и женщины пользовались посохами при переправах через бурные потоки.

4. Уход за оленями был делом мужчин (пастьба, кастрация, уход во время оела и порозования).

5. Оленей в тайгу не отпускали, кочевали с ними круглый год. Маршруты кочевок определялись потребностями оленей в корме. При перекочевках все ехали верхом. Через большие реки переправлялись в кожаных лодках (мэрэкэ). Чехлы, сшитые из двух хорошо продыmlенных лосиных ровдуг, натягивали на тут же вырубленные жерди — каркас. Стоянки (уриkit) были кратковременными, преимущественно в горах и на истоках рек (летом) и в среднем течении небольших рек (осень, зима). В период пушной охоты продолжали кочевать с оленями и с семьей.

6. Лыж, ручной нарты, наспинной доски оленеводы не знали, о чем упоминалось еще в документах XVII в.¹². Все вещи привязывали к седлу. Охотились на олене и стреляли, не слезая с него. Пальму заменял топор, а у некоторых была пальма, но с короткой (до 1 м) палкой.

7. Телят, рожденных от диких оленей, оставляли для улучшения породы.

8. Обряд табуирования оленя имел целью в первую очередь благополучие стада¹³.

Варианты каждого типа выражались в разном использовании оленя на маршрутах кочевок, на стоянках и т. п.

Несмотря на указанные различия, основы культуры и языка у тех и других были общими. Общие элементы

материальной культуры у носителей ороченского типа получили дальнейшее усовершенствование. Так, у эвенков колыбель была приспособлена для переноски на плече, у орочен она была усовершенствована и приспособлена для перевозок на олене¹⁴. Более сложными были у орочен кумаланы — меховые коврики для покрытия вьюков. Различались вьючные сумы¹⁵. Кафтан у эвенков был из цельнокроеной шкуры, или ровдуги¹⁶, и спереди не сходиллся, у орочен кафтан шился из трех частей (двух пол и спинки), полы спереди сходились. Нагрудник первые носили поверх кафтана, вторые — снизу. Унты (все виды) у первых имели поршень, у вторых — кроеную по ноге подошву¹⁷. Основа остова чума у первых составлялась из трех жердей, опиравшихся на развилку или сук одной из них, у вторых — 4—5 жердей, сверху связанных. Первые широко пользовались лодками-берестянками и берестяной посудой. Вторые, кочуя в горах, где не было берез, не имели лодок-берестянок, а берестяной посуды у них было мало. Первые применяли татуировку лица, у вторых она не зарегистрирована.

Носители эвенкийского типа говорили на сибилантных (с- и ш-) диалектах, носители ороченского типа — на сибилантно-спирантных (с- — в начальном положении, х- — в интервокальном)¹⁸. В XVIII в. среди всех тунгусов еще преобладали говоры сибилантных ш-диалектов, а распространение сибилантно-спирантных ограничивалось районами к югу от Якутска и Алдана¹⁹. Только в некоторые ш-диалекты начинали проникать отдельные слова и фонетические особенности, характерные для диалекта носителей ороченского типа. Сибилантно-спирантные говоры носителей ороченского типа оленеводства в течение XIX в. вытеснили все сибилантные говоры к востоку от линии Лена — Витим, и уже в советский период они распространились в районе рек Чу-микан — Тором, впадающих в Охотское море²⁰.

Необходимо отметить, что на протяжении XVII—XX вв. некоторые из оленных теряли оленей (результат эпизоотии) и становились пешими, но в быту они продолжали сохранять традиции оленеводческой культуры. Через некоторое время они опять становились оленными или конными.

Таким образом, этнографические, фольклорные и лингвистические материалы свидетельствуют, во-первых, о первичности расселения по тайге пеших охотников и о более позднем расселении оленных охотников — носителей ороченского типа оленеводства. Во-вторых, о том, что территория распространения охотников-носителей эвенкийского типа значительно превосходила территорию распространения носителей ороченского типа. Последнее опровергает положение М. Г. Левина о том, что «наиболее широкую область расселения имели оленные тунгусы»²¹.

К сходному с нашим выводом, но на очень ограниченном материале (охотские тунгусы и ламуты по материалам Я. Линденау, 1742—1745) подошел в 1938 г. и А. Золотарев. Он писал: «Опираясь на новые данные, мы можем утверждать, что Сибирь была заселена тунгусами еще на доолeneводческой ступени развития». Он же заметил, что некоторые из оленеводов (Шамагирский род в северном Прибайкалье и орочи) «сохраняют несомненные пережитки доолeneводческого прошлого»²². Приведенные выше факты уточняют и обосновывают гипотезу Золотарева.

Ороченский тип оленеводства распространялся по отрогам Хингана, Яблоневого, Станового и на западе — Верхоянского хребтов, а также через Витимо-Олекминское плоскогорье. Распространение по отрогам было обусловлено жизнью стада. Вытаптывая мох горной тундры, олени двигались дальше на восток (на Становой хребет) и северо-запад (на Витимо-Олекминское плоскогорье), за ними шли и тунгусы.

Распространение оленеводства в указанных направлениях связано с распространением спирантно-сибилянских диалектов и самоназвания оленных охотников — орочен.

Самоназвание орочен в амурском диалекте обозначает жителя местности Оро (ср. Зеючен — зеец, житель Зеи; Наунчен — житель Науна, Мергенчен — житель Мергена). А Оро, как выяснил Р. Маак²³, было тунгусским (манегрским) названием местности в районе Албазина. Название орочен было названием большой группы «оленных» и «конных» тунгусов верхнего Приамурья и Забайкалья. Вполне вероятно, часть их стала рано оленными. Может быть, эти ороченны и были первыми

оленеводами, жившими, согласно сказаний, «на Сибирской и Киданской землях» (к востоку от рек. Онон, Анюй) и бывшими по языку близкими пешим охотникам. С ними, по сказаниям, пешие охотники из горнотаежных районов Забайкалья вступали в брачные связи, от них в виде приданого жен получали оленей.

Распространение названия орон (домашний олень) без особых фонетических изменений во всех языках тунгусо-маньчжурской группы, за исключением маньчжурского²⁴, говорит о том, что олени появились после отхода групп, давших тунгусо-язычный компонент в этногенезе предков маньчжуров. Подтверждением этого служит и колыбель маньчжуров эвенкийского типа²⁵.

Слово орочен (житель Оро) по аналогии с орачи (оленный) приняло значение «оленевод», «оленный». Произошло это к югу от Амура, вероятно, в районе отрогов Хингана и в значении «оленевод» попало в китайский язык, который немного изменил его фонетически (элун-чунь, орунчап-оленевод).

Расселение оленных по Витимо-Олекминскому плоскогорью и по отрогам Верхоянского хребта происходило до выхода якутов на среднюю часть Лены. Якуты, выйдя на Лену — Патому-Амгу (в XII—XIII в. по Окладникову), столкнулись с оленными тунгусами и от них заимствовали оленя. Расселяясь, оленные охотники встречали одноязычных пеших охотников. В одних случаях они мирно уживались (например на востоке: оленные донкан — в горах, пешие охотники хойгон — в долинах), и пешие постепенно становились оленными. В других случаях оленные встречали сопротивление пеших и последние их называли врагами (булашэл и чанитл), как это было к западу от Лены и на нижних правых притоках Нижней Тунгуски. Все эти факты нашли отражение в историческом фольклоре²⁶. Процесс просачивания оленных в среду охотников, начавшийся до XII в., продолжался в XVII—XVIII вв. (например, в бассейне Подкаменной Тунгуски, на реках Бурее, Амгуни, Чумикане, Уде).

Еще в XVII в. была зарегистрирована традиция выхода для промысла из района Май-Аяна на Амгунь²⁷. Аналогичная традиция ухода на промысел могла существовать и в районе Чумикана-Уды, откуда ходили на богатый кормами и зверем Сахалин. Этими двумя пу-

тами могли двигаться и группы первых оленных охотников. Одни, выйдя на Сахалин, сохранив тип оленеводства и ряд других элементов культуры, стали компонентом в этногенезе ороков (на Сахалине их до сих пор называют ороchon и ороchol, тогда как самоназвание их ульта). Другие через Амгунь и Амур вышли на Анюй и Тумнин и дали ороchonский компонент в этногенезе орочей (по местному названию ороchonы). При сохранении ряда элементов материальной культуры оленеводство у них не сохранилось. Самым поздним (XIX в.) был выход оленных ороchol на Камчатку.

Если на крайнем северо-востоке в сознании ороchol и э(в) эшэл сохраняется различие по происхождению, то на крайнем северо-западе память о самоназвании ороchon к XX в. исчезла, сохранились лишь элементы культуры и языка оленных групп²⁸.

В заключение мы можем утверждать, что гипотеза о расселении тунгусов по сибирской тайге на олене (Богораз, Левин, Окладников) не имеет под собою достаточных оснований. Древние тунгусы — пешие охотники горных районов. Первоначально они были частью неолитического населения горной тайги районов, примыкающих к южной половине Байкала. Но это не является предметом настоящего доклада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее Г. М. Василевич, *Древние географические представления эвенков*, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1963, № 4.

² «Сборник Материалов по эвенкийскому фольклору», составила Г. М. Василевич. Л., 1936; см. также Г. Чижек, *Гарпаниндя*, редакция и перевод Г. М. Василевич. Л., 1938.

³ Скотоводы к началу XX в. по языку и культуре ассимилировались с монголами и бурятами.

⁴ П. Г. Георги, *Описание всех в Российском государстве обитающих народов*, т. II, СПб., 1776—1777, стр. 40.

⁵ В. Г. Богораз, *Древние переселения народов в северной Евразии и Америке*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», Л., 1927, VI, стр. 44.

⁶ А. П. Окладников, *Неолит и бронзовый век Прибайкалья*, М., Л., 1955, стр. 9—10.

⁷ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, *Типы оленеводства и их происхождение*, — «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 81.

⁸ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, *Хозяйственно-культурные*

типы и историко-этнографические области, — «Советская этнография», 1955, № 4, стр. 6.

⁹ М. Г. Левин, *Этнографические и антропологические материалы как исторический источник*, — «Советская этнография», 1961, № 1, стр. 24.

¹⁰ М. Г. Левин, *Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока*, М., 1958, стр. 187—204.

¹¹ О нартивной упряжке для перевозки грузов у ороченов упоминается в XVII в. Вероятно, «повозка» или «телеги», о которых писали китайцы в VII в., у народа гюй в районе верховий Олекмы и были эти нарты. См.: Н. В. Кюнер, *Китайские известия о народах южной Сибири*, М., 1961, стр. 51.

¹² О том, что оленные Баягиры, кочевавшие в XVII в. в Забайкалье — Приамурье, в то время не знали лыж, отмечали и официальные документы: «...на лыжах отцы наши и мы никогда не хаживали и делать лыжи не умеем». (Н. Н. Степанов, *Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в.*, — «Сб. Вопросы истории Сибири», Л., 1961, стр. 240). У потомков орочен из рода Баягир эта традиция сохранялась еще в 1947 г. Среди них в 1947 г. имели лыжи только потомки эвенков, вошедшие в среду орочен (наши материалы).

¹³ Г. М. Василевич, *Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», Л., 1957, XVII.

¹⁴ Г. М. Василевич, *Тунгусская колыбель*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», Л., 1960, XIX.

¹⁵ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, *Оленный транспорт*, — «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961, стр. 36.

¹⁶ Г. М. Василевич, *Тунгусский кафтан*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», 1958, XVIII.

¹⁷ Г. М. Василевич, *Обувь народов Сибири*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», М.—Л., 1963, XXI.

¹⁸ Г. М. Василевич, *Очерки диалектов эвенкийского языка*, Л., 1948, стр. 12—17.

¹⁹ Г. М. Василевич, *К вопросу о тунгусах и ламутах северо-востока в XVII—XVIII вв.*, — «Ученые записки Якутского филиала Академии Наук СССР, Институт языка и литературы», Якутск, 1958, в. 5.

²⁰ Т. Пукшанская, *Говор эвенков Тузуро-Чумиканского района*, Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1956.

²¹ М. Г. Левин, *Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока*, стр. 190.

²² А. Золотарев, *Новые данные о ламутах и тунгусах XVIII в.*, — «Историк марксист», 1938, № 2, стр. 80—82.

²³ Р. Маак, *Путешествие на Амур*, СПб., 1859, стр. 65—66.

²⁴ В маньчжурском языке название «домашний олень» образовано из двух слов «место» (оронь) и «изобр» (буху) — оронь буху (И. Захаров, *Полный маньчжурско-русский словарь*. СПб., 1875, стр. 132). Слово же ороньчо — «название одного рода приамурских тунгусов, разводящих и едящих на олеях» (там же).

²⁵ Г. М. Василевич, *Тунгусская колыбель*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», Л., 1960, XIX.

²⁶ См. «Сборник Материалов по эвенкийскому фольклору», стр. 215, 247—252, 269.

²⁷ С р. Юдомы на Амгунь, см.: И. С. Вдовин, *Историко-этнографические сведения о негидальцах XVIII в.*, — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 157, Л., 1953.

²⁸ Г. М. Василевич, *Чирингинские звенки*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», 1951, XIII.

дписано к печати 2/VI 1964 г. А-06734 Цена 5коп. Зак. 991

Типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4